

К 100 летию Первой мировой войны

*Руководитель фонда им.
Махмуда из Кахабросо
Магомед Гасанов*

Махмуд из Кахабросо в Первой мировой войне



О Махмуде из Кахабросо, как о непревзойдённом лирике и классике Дагестанской литературы написано много, но не многие знают, что он служил мусульманским духовным настоятелем и кадием во втором Дагестанском конном полку Кавказской «Дикой дивизии» в годы Первой мировой войны с 1914 по 1918 год.

В Дагестанской литературе и в научных кругах почти нет материалов, связанных со службой поэта, его геройством, мужеством, ранениями и наградами. На фронтах Первой мировой войны Махмуд, как и на родине пользовался большим авторитетом и славой. Его

образование и поэзия оказалась, как никогда, востребованной для поднятия духа солдат. Свое одно из лучших произведений «Марьям» он написал именно на войне.

Первые материалы в исследовании в участии в 1-й Мировой войне Махмуда были собраны кумыкским ученым исследователем сотрудником ИЯЛИ ДНЦ РАН в 1950-1960 годах Адилгерем Гаджиевым и учителем родного языка из Левашинского района Саидом Азизовым. Профессор Сиражудин Хайбулаев, обобщая эти и другие материалы, включил их в свою книгу о Махмуде «Воспоминания современников».



В военном – историческом архиве в г. Москве в штатном списке 2-го эскадрона Дагестанского полка числится Магомаев Махмуд 1874 года рождения, видимо так была записана его фамилия и год рождения с его слов при зачислении в полк. Нам удалось установить имена и фамилии некоторых сослуживцев Махмуда. Это Абдулвахид, Раджаб, Хамзат, Исхак из с. Кахабросо, Алдан из с. Бетли, Сулейманов Магомед и Гасанов Магомедхан из с. Цатаниха, Хаджимурад из с. Тлоха,

Гасангаджиев Магомед из Ашильта, Саид Юсупов, Алидада и Муслим Атаев из Хунзахского района, Будунов Али из с. Инхо, Амиралиев Умар из с. Кикунь.

Также нам посчастливилось познакомиться с фотографиями Махмуда совместно сослуживцами, всадниками Кавказской туземной дивизии.

Считаю, очень интересными воспоминания, записанные Саидом Азизовым и Адильгерем Гаджиевым в 1950-1970 годах со слов ещё живших в то время ветеранов Первой мировой войны, которые они передали на хранение Фонду.



В начале сентября 1914 были сформированы конные эскадроны и полки Кавказской конной дивизии. Она называлась туземной, а в боевые годы она получила название «Дикая дивизия» из-за отчаянной храбрости, дерзости и свободолюбия горцев. Она состояла из нескольких полков: 2-го Дагестанского, Кабардинского, Ингушского,

Татарского, Черкесского, Чеченского. Каждый полк состоял из четырех сабельных эскадронов по 120 человек в каждом. Полки были объединены в три бригады по два полка в каждой. В отдельную самостоятельную бригаду были объединены Дагестанский и Кабардинский полки, которыми командовал генерал-майор, князь Дмитрий Багратион. Всей дивизией командовал младший брат царя, генерал-майор Михаил Александрович Романов.

Учитывая тот факт, что Махмуд получил хорошее духовное образование, сдал в окружной диванхане г. Темир-Хан-Шуры экзамен на должность имама, кадия, будуна и дибера и работал долгое время на этой должности в селах Кахабросо, Цатаних, Бетли, Аргвани и Алмак, он был определен на должность Кадия – духовного религиозного руководителя, в сущности, второго человека 2-го Дагестанского полка.

По оценке военных историков «это было поистине уникальное воинское соединение по своей организации, многонациональному составу всадников и офицеров, по царившему между ними духу воинского братства, солидарности и взаимовыручке». В отличие от других воинских частей и порядков, царивших в ней, в дивизии была запрещена порка солдат, их избивание, оскорбление, матерщина в общении, всадники между собой и офицерами обращались на «ты», взаимоотношения между ними были самыми уважительными, не было раболепства перед офицерами, культивировалось боевое равенство, свобода вероисповедания, отмечались все религиозные праздники.

Горцы-всадники также стремились оправдать оказанное им доверие и сохранить горскую честь, где трусость и слабодушие считались несмываемым пятном, позорным пороком. Дивизия была достойна своего названия – Кавказская. За всю войну не было случая дезертирства в полку. Горцы воевали как в конном, так и в пешем строю, они были сильны как в наступлении, так и в обороне, бывало, что за день боевых схваток теряли сорок всадников. Даже тогда, когда некоторые части в панике отступали, эскадроны дивизии прикрывали их отступление. Пройдя через горнило войны, всадники полка сохранили свою честь и достоинство, воинскую дисциплину и порядок, верность отчизне и воинской присяге. Ее полки, состоящие из представителей отдельного, конкретного народа, соревновались между собой в проявлении мужества и отваги, в сохранении чести и достоинства своего народа. Полки на протяжении всей войны проявляли чудеса храбрости, отваги, мужества и стойкости, их бросали в самые горячие точки сражения, и они с честью выходили из них, враги называли их «мохнатыми дьяволами» из-за пушистых горских папах. На протяжении всей войны дивизия считалась одной из самых боеспособных частей российской армии.

Махмуд в качестве кадия должен был руководить религиозной жизнью всадников, воспитывать их по законам ислама. Папаха кадия отличалась от других и была перевязана зеленой чалмой. В случае

гибели воина нужно было обмыть его по исламским обычаям, накрыть саваном, похоронить по мусульманским канонам, а также прочитать над усопшим заупокойную молитву. Так как тяжело раненные и убитые доставлялись в санитарный обоз, Махмуд должен был быть все время на месте, в его обязанности не входило непосредственное участие в боевых действиях. Но ситуация порою складывалась так, что и обоз оказывался в окружении и на линии фронта, так что в бой приходилось вступать часто. Кроме того, как мужчина Махмуд не мог быть в стороне и находиться в обозе, когда его друзья, товарищи по оружию проливали кровь, он принимал добровольное участие в атаках был дважды ранен и в одинаковой степени со всеми однополчанами тянул нелегкую лямку солдатскую.

Тяжелое бремя войны, гибель, ранение боевых товарищей, жизнь на чужбине не остужали поэтический пыл поэта, его творческое вдохновение. Он продолжал творить, творить самозабвенно, произведения, созданные Махмудом в военные годы, являются лучшими образцами его поэтического мастерства.

На Карпатах, на фронтах Первой мировой войны Махмуд, как и на родине, пользовался славой духовного настоятеля и поэта. Его поэзия в этих условиях оказалась весьма востребованной, ибо напоминала горцам о своей родине и помогала сохранить с ней духовную связь, украсить военный быт, разнообразить досуг. Композитор Манашир Якубов среди фонографических записей австрийца, известного этнографа А. Дирра, который интересовался словесным и музыкальным фольклором народов Кавказа, обнаружил запись исполнения аварской песни, сделанной в Австрии. Так как Махмуд находился там, то посчитали, что он и является исполнителем песни. Но запись от времени потеряла свою чистоту, разобрать слова невозможно, поэтому утверждать, что это голос Махмуда, нет причин, тем более, что в полку были и другие певцы, певшие на аварском языке.

Карта военных действий Кавказской дивизии занимает почти всю Восточную Европу, территорию Австрии, Венгрии, Польши, Румынии, Молдавии. Нетрудно представить, какое неизгладимое впечатление на горцев оказывали культура и быт, обычаи и традиции европейских народов. Для поэта они оказались весьма плодотворными, существенно расширили его кругозор. При чтении его произведений убеждаешься в том, какой заметный след в его поэзии оставили реалии европейской жизни, существенно отличавшиеся от горской действительности.

Из воспоминаний Амиралил Умара из с. Кикунни.

Амиралил Умар из с. Кикунни, который, был назначен 1914 году одним из помощников кадия полка, в 60 годах передал писателю, Тажудину Таймасханову три стихотворения Махмуда и рассказал Саиду Азизову так о тех событиях; «Махмуд всегда заставлял нас молиться вовремя, иногда сам, призывал к молитве, читал азан и кияма и

становился имамом. У Махмуда, как кадия полка были различия в форме, на голове папаха была перевязана зеленой чалмой. Работы у нас было много, приходилось иногда хоронить по несколько земляков - сослуживцев, но бывали и радостные дни. Однажды, это было время после обеденной молитвы, Махмуд увидел у меня национальный инструмент пандур и попросил сыграть и спеть. Когда я пел вокруг собрались такие же самоучки музыканты, кумыки, лакцы, лезгины, даргинцы и др. и почти у всех оказались свои национальные инструменты. Каждый, танцевал, пел и веселился, как будто и не было войны.



После того как я спел очередную песню, Махмуд сказал, что эти стихи его, выразил сожаление, что содержание было изменено и предупредил, что этого не следует делать. Он взял стул, на котором сидел, используя его как барабан, начал декламировать свои стихи. Только тогда я узнал, что Махмуд автор большинства песен, которыми делились между собой знаменитые певцы того времени.

Петь и играть на пандуре он не умел, но читал он стихи проникновенно с особой душевной теплотой. Я его научил немного играть и настраивать струны на пандуре. После этого мы каждый раз ждали сигнала Махмуда, чтобы собраться после боев, петь, танцевать, делиться своими талантами и радоваться».

Из воспоминаний Саида Юсупова из Хунзахского района.

«Махмуд хорошо знал содержание Корана, высказывания Пророка Мухаммада (САВС). Все проблемы, возникавшие на фронтах он решал с позиции шариата. Всадники наравне с командиром подчинялись ему.

Многое в бою и поведение всадников во многом зависело от указаний Махмуда. Дагестанский конный полк отличился в боях. В этом большая заслуга Махмуда, который вел за собой всадников, хотя, как кадий он мог находиться в тылу.

Он имел богатую библиотеку с книгами из различных восточных стран и трудов ученых-арабистов. Я пользовался книгами из библиотеки Махмуда.

В 1925 году я работал корректором. Решили издать сборник произведений Махмуда, которые в рукописи распространялись среди его поклонников. Тогда решили поместить туда и фотографию Махмуда. Нигде не могли найти. Единственную небольшую фотографию Махмуда передал нам Муслим Атаев, служивший с Махмудом в Дагестанском конном полку».

Из воспоминаний Магомеда Сулейманова из с. Цатаних.

«В январе 1916 года во время атаки на высоту, заросшую кустарником, Махмуд был ранен. Вражеская позиция была сильно укреплена, наступать приходилось снизу-вверх по глубокому снегу. После нескольких неудачных попыток эскадрон откатился на свои первоначальные позиции. Я застал Махмуда сидящим на сугробе, живот его был туго повязан башлыком, рядом, на снегу валялись половинки ремня, кинжал и пистолет, висевшие до этого на ремне. Оказывается, пуля попала в живот, пробила ремень насквозь.

Обращаясь ко мне, Махмуд попросил, чтобы нашли его коня. Я подумал, что он шутит и сказал: «Сам найди». Махмуд сказал, что он ранен в живот и внутри у него все горит. Я нашел коня Махмуда, посадил его на коня и хотел проводить их в Санитарный обоз, который находился недалеко, но Махмуд не позволил сделать это. Позже поэт вспоминал, что когда врач спросил, давно ли он принимал пищу, он ответил, что трое суток ничего не ел. На это врач заметил: «Значит, будешь жить». И приступил к операции. Действительно, перебои с пищей бывали частенько, кухня не успевала за разъездами эскадронов, которым иногда приходилось быстро менять позиции. В данном случае голод оказался спасением. Даже будучи в шоковом состоянии Махмуд не придавал большого значения полученной ране, а она оказалась серьезной, лечиться пришлось долго, всю зиму ему пришлось провести в лазарете.

Друзьям, пришедшим его проведать, он прочитал экспромт:

*Унтарал, лъукъарал гІадамал хьихьун,
Бакъда вукІинчІого, дун хьондего щай?
Кидаго холарел гІадамазецин
Ясин щай цІаличІеб цІорояб кІалалъ.*

Сидел бы я на солнцепеке, заботясь о раненых и больных,

*Зачем ты полез на теневой склон?
Читал бы заупокойные молитвы
И за тех, кто не думает вовек умереть.*

За участие в этом бою, за мужество и отвагу Махмуд был награжден Георгиевским крестом. Рана серьезно подорвала здоровье Махмуда, поэтому он был отправлен на долечивание.

Осенью 1916 года Махмуд с очередным пополнением вернулся в полк на службу. В боевых действиях он был второй раз ранен в голову и с сотрясением мозга отправлен на лечение, после чего опять возвращается в строй, произошло это в феврале 1917 года.

В 1917 году 2-ой Дагестанский конный полк отправили в Петроград против Корниловского мятежа. Мы получили из Темир-Хан-Шуры телеграммы через внука Шамиля Загида жившего в Петрограде, в которых говорилось, чтобы мы отказались от наступления на Петроград. Под влиянием этой агитации вскоре мы вернулись в Дагестан. В Дагестане тоже шли перемены. Здесь нас хотели втянуть в гражданскую войну, агитировали за большевиков и за Нажмудина Гоцынского. В итоге наш полк распался.

Махмуд предвидел исход событий. Он считал безумием вести безоружную массу фанатиков против хорошо вооруженных красноармейцев. Это, говорил он, приведет к большому кровопролитию. И действительно в ходе этих боев погибло несколько тысяч человек. Вся территория от пивзавода до маяка в Порт-Петровске была усеяна трупами.

Дагестан оказался в трауре. Погибли славные сыны Дагестана».

Из воспоминаний Алидады из с. Хунзах.

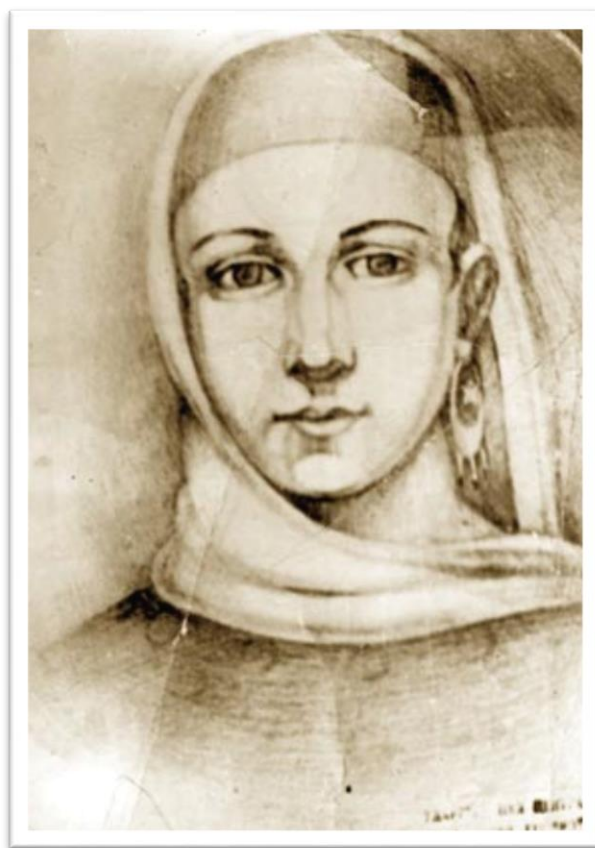
«Эта затяжная война всем уже надоела. Примерно в июне 1917 года 2-й Дагестанский конный полк взял какой-то город и в честь взятия этого города был большой банкет всего комсостава. На банкете Махмуд сочинил и прочитал юмористическое стихотворение, в котором говорилось примерно так;

*«Я имел полосатую паршивую корову,
Каменистый клочок террасной земли.
Вдруг объявили, что Вильгельм идет на Россию войной.
Чтобы захватить наши богатства.
Я возмутился, пошел сражаться.
Не здесь, на фронте я проклял себя.
За свой необдуманный поступок.
Неужели здесь, в Карпатах,
Я защищаю от Вильгельма свои «богатства».*

Самыми лучшими исполнителями песен Махмуда были два наших всадника из 2-го Дагестанского конного полка из селения Могох. Когда они пели Махмуд с большим интересом слушал и шутя говорил, что эти песни сочинены вами самими, что таких хороших песен нет у Махмуда.

В начале 1918 года 2-ой эскадрон 2-го полка находился в казармах во дворе фабрики III Интернационала. Когда входили во двор на левой стороне была комната Махмуда. В январе 1918 года, когда Гоцинский наступал на Темир-Хан-Шуру наш 2-ой эскадрон под командованием Пиролова Микаила и эскадронного кадия Махмуда пошли встречать Гоцинского около Сталин аула. Имам приехал на фаэтоне и не дал нам даже салам (приветствие). Мы обиделись и смеялись, потому что мы стояли смирно и кричали «честь имаму Гоцинскому». Но имам даже не поздоровался с нами и поехал в город.

2-ой эскадрон второго Дагестанского конного полка отказался



наступать на Порт-Петровск. Тогда духовный глава эскадрона Махмуд получил от Гоцинского угрожающее письмо следующего содержания: «Вы не птицы чтобы улететь и не крысы чтобы лезть в землю. Когда я возьму Порт-Петровск я по шариату расправлюсь с Вами».

Махмуд успокоил всадников. «В Порт-Петровске, - сказал он, хорошо вооруженные красногвардейцы. Эти безоружные дураки, которые идут за Гоцинским потерпят страшное поражение».

Слова Махмуда оказались пророческими. В бою за несколько часов в Порт-Петровске просто были истреблены около 1200

последователей Гоцинского».

Махмудоведы профессора Чакар Юсупова и Сиражудин Хайбулаев в своих книгах о Махмуде, анализируя стихи поэта пишут, что в творческом наследии Махмуда есть пятнадцать произведений – посланий, являющихся обращением из чужбины к своей возлюбленной, оставшейся в горах. Эти произведения могли быть написаны в 1900-1903 годах, когда поэт находился на заработках в Азербайджане, или в 1908-1912 годах, когда Махмуд был в Гори или в Туапсе, или же в 1914-1917 годах, будучи на фронтах Первой мировой войны.

Но среди них есть стихотворения, написание которых на Карпатах не вызывает сомнений, в них описаны неопровержимые реалии военного быта. Это «Хиянатай гьудул» – «Обманчивая подруга»; «РекІел бухІиялъул хІакъикъат бицун» – «Правдивый рассказ о горении сердца»; «Почтовый кагътиде керенги чучун» – «Передав почтовой бумаге сердечные думы» и поэма «Мариам». Три стихотворения и поэма характеризуются общностью мотивов, образов, поэтических троп, символов, фразеологии, совершенством и изяществом, в каждом из этих произведений можно найти сходные образные блоки, выраженные очень схожими словами в буквальном смысле.

По этим стихотворениям очень наглядно можно проследить процесс зарождения и формирования у поэта идеи создания крупного поэтического произведения, каким является поэма «Мариам».

Через эти произведения проходит мотив неразделенной любви, тоски по любимой, страсти к ней, желание получить от нее или о ней хоть какую-нибудь весточку, стремление найти что-нибудь, что напомнило бы Махмуду о своей любимой, с которой он, уходя на войну, не смог даже проститься.

В стихотворении «Передав почтовой бумаге сердечные думы» есть обращение к силам природы, в котором выражена просьба передать страстный привет от Махмуда его неповторимой любимой Муи:

*МоцІрода гъикъула, бакъгин кІалъала,
КІвеларищ босизе салам дудеян.
НакІкІуда гъарула, гъорой хІелула.
Дур хІакъикъат лъани, лъазе гъабеян.*

*У луны спрашиваю, прошу у солнца,
Не смогут ли они передать привет тебе.
Прошу у облаков, молю ветер:
Сообщите мне правду о тебе.*

Мир живой и неживой природы, столь часто одушевленный в поэзии Махмуда, и здесь занимает большое место.

Буквально в такой же тональности, смысловом наполнении, поэтическом выражении эти же мотивы звучат и в зачине поэмы «Мариам».

Начало «Мариам» сразу вводит в эпицентр душевных переживаний героя, обжигает горячей волной лиризма, крайней напряженностью чувства и мысли:

*Цо панаяб хІухъел бухІулеб рекІел,
КІвеларищ босизе самаалъул накІкІ?
Соролел лугбазул бугеб гІакъуба,
ГІарз хъвани къеларищ, хъахІил зодил хъухъ?*

*Дир чорхол рухІальул хІайранлъиялъул
ХІакъикъат лъазабе шамальул гъури;
Гъалдолеб цІаялъул цІураб каранзул
Кагъат кодобе кье, кьурда чІвалеб бакъ!*

*Горящего сердца безрадостный вздох
Не сможешь ли взять ты, небесная туча?
О страданиях дрожащего тела
Не передашь ли жалобу, облако синего неба?*

*О душевном смятении моем
Правду поведай, о ветер сирийский;
Что кипящим огнем наполнена грудь,
Вручи в руки письмо, о солнце на скалах!*

Нацеленный на раскрытие глубокого душевного разлада и одиночества героя, весь образный строй этой части интенсивно метафоричен, изобилует вопросами, восклицаниями, обращениями. Открытые слова-эмоции и слова-переживания могут сменяться и элементами реальной действительности, материально-предметными по внешней фактуре образами, но эмоция, глубокий и емкий субъективизм выражены в них не менее сильно:

*Дур хиялал гъарун, дица тиричІеб
Тиритор хутІичІо гІурус ракъалда,
Дуралда рельлъараб сурат батани,
Ссун бахъун раКІги кьун, нахъе босилин.*

*В мыслях о тебе не оставил я
Места на территории русской земли,
Чтоб, обнаружив на тебя похожий портрет,
Вынуть сердце и отдать за него.*

Лирический сюжет сменяется объективным, развертывающимся во времени и пространстве:

*Балагъун свакана, свердун чІалгІана –
ЧІобогояб базар бугин гъабилан;
Иблисгин рас цоял австриязул
Рособалъе щвана Расси тун хадуб.*

*Устал я искать, надоело слоняться –
Пустое дело это, я понял;
В селения австрийцев, цветом волос общих с дьяволом,*

Пришли, оставив Россию.

И вдруг резкий перебив – на зрителя обрушивается целый шквал чувств удивления, ликования, торжества:

*Балагун гьимиги, гьурмал гвангьиги,
Гьардарав бетІергьан, батІалъи гьечІо;
Беразул свераби, нодоялъул сси –
Самай мун йикІана, кІалъан хадуса!*

*Улыбка во взгляде, сиянье лица,
Милосердный господь, отличия нет;
Форма глаз, гордый твой лоб –
Сама это ты, лишь слово скажи!*

Происходит реальная и вместе с тем невероятная встреча с возлюбленной Муи, глядящей на него с иконы Девы Марии. Стремясь выразить бесконечность своего переживания, глубину потрясений, поэт спешит дополнить, раскрыть непривычное для горцев иносказание высокими образами традиционного национально-религиозного искусства, уже сложившейся символикой:

*КагІба жаниб бараб росо бихъараб
Бихъилин къойилан къасго дир гьечІо,
КъутІбу тІад рештІараб рокъове щвараб
Сордо букІинилан букІунаро ракІ.*

*Увидеть село, где построена Кааба,
Этот день что наступит, не верилось мне,
Попасть в дом, куда опустилась Полярная звезда,
Что ночь такая придет, сердце не надеялось.*

Именно в этой части поэмы – ее эмоциональный и нравственно-философский центр. И именно здесь «как бы через опосредование, через зеркальное отображение уже существующего портрета, через облик Мадонны» создает Махмуд настоящий портрет Муи, открывая для себя возможность не традиционно, не в привычных абстрактных образах и стереотипах описать живые краски, осанку и одежду, улыбку и очертание лица любимой. «Это была великолепная и великолепно себя оправдавшая поэтическая находка» большого поэта, в полной мере оценить которую можно лишь вспомнив привычные эстетические каноны изображения человека, его внешности в аварской и дагестанской в целом поэзии.

Образ Муи предстает вначале в привычных стереотипах: «Павлин, что взвился из рук», «Как луна, ты взошла» и т. д., но это уже не трогает

поэта. Он жаждет подлинности, хочет видеть дорогой облик в живых, зримых чертах. И вдруг гениальное прозрение: уподобление должно строиться на сходстве, сравнение – на соответствии:

*Къажар базаразда, жугьут тукабахъ
Кагътахъ балагъана тупазда чІварал,
Шагъру карамалда, тиятиралда
ТечІо къеда сурат къуличІеб тІаде.*

*На персидских базарах, в палатках евреев
Разглядываю я наклейки на тюках ткани.
На стенах театров в больших городах
В каждую картинку я всматриваюсь.*

Так традиционный путь приводит к ослепительному новаторству. В заключительной части, также новаторской по интонации и образам, возникает урбанистическая картина «железного» вокзала:

*БухІанагІан хІехъон, хІал щвани баччун
ЧІун буго паровоз вагзалалдаго,
Гали бахъанагІан нахъехун бильльун,
Ллььун буго дуниял данде багъизе.*

*Терпя сильный накал, выдерживая тяжесть,
Стоит паровоз на вокзале,
Наступает вперед, пятится назад,
Весь мир вступил со мною в борьбу.*

Поэтическая метафора «стоит паровоз...» – это не только ожившее чудовище, преграждающее поэту путь к любимой, в широком социально-политическом контексте – поэма писалась в самом пекле войны – она символ угнетения, надвигающейся катастрофы, образ трагически замкнутой и бессмысленной жизни.

У нас нет возможности заглянуть в творческую лабораторию поэта, увидеть черновики и варианты его стихов, правку текстов и т. д. Однако для нас очевидна тщательная работа поэта над текстами своих стихов – лирика его демонстрирует блестящее владение им гибкостью, выразительностью и емкостью аварской речи. Мы знаем об ответственном отношении Махмуда к своим стихам, о требовательности, которую он предъявлял к исполнителям своих песен.

На войне поэт воюет с правителями стран и народов, палит в небеса и в землю, воюет с переменным успехом. Воевать тяжело, на солдата давит и тяжелое обмундирование:

Булдул, гІащтІал руго гІолохъабазул,

*Рачлихъ тунчул гІадин гІодоре далун,
ГІурус фельдшерзабаз шула гъарейн
Щивасул хвалчада чІартал рухъана.*

*ТІогъир хучдулги чІван тункІалги къуна,
Къалде рортилалде тимар гъабейн.
Гъездаго аскІосан кІукъмахал рана,
КІинус – нус патиран бана гъажалда.*

*Лопаты, топоры висят у мужчин,
Словно пистолеты на ремне.
Русские фельдшера дали мотки бинтов,
Чтобы мы их привязали к саблям.*

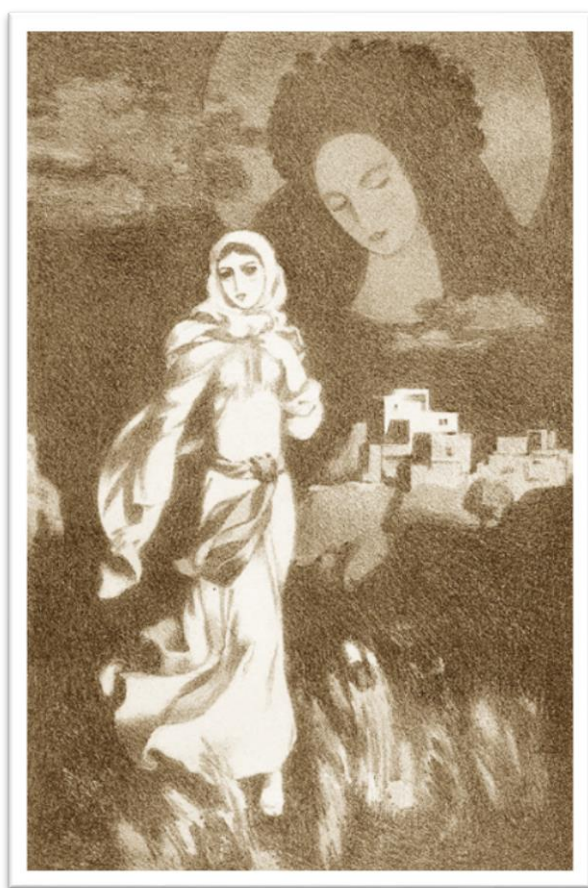
*Винтовки вручили нам, насадив на них штыки,
Чтобы перед боем мы почистили их.
Рядом с ними привязали ножницы,
По двести патронов повесили на плечи.*

В этих строках, говоря об экипировке всадников на месте формирования полка, отмечается, что каждый из воинов должен был иметь при себе винтовку, пистолет, саблю, кинжал, противогаз, естественно, и рюкзак – сидор с предметами личного пользования. Соответствующим образом распределялся и шанцевый инструмент. Если каждый воин должен был иметь лопатку для окапывания, то в отделении обязательно должны были иметь ножницы для резки колючей проволоки, топоры для разрушения заграждений, препятствующих атаке. Через плечо перекидывались ленты с патронами, а горцы ухитрялись патронами набивать нагрудные карманчики черкесок – газыри. Боеобеспеченность была главным залогом победы и средством уцелеть в бою.

На почтовой бумаге Махмуд пишет о том, как кипит его грудь, горит огонь в ней, кости плавятся, тело превращается в пепел, и он лишен покоя и сна из-за могучей страсти. Тут же он выводит знаменитые строки, ставшие мерилom его необъятной любви:

*ХІасрат цІикІкІарасе цІар щолебани,
ЦІер гІадин дуниял дир букІинаан.
ЦІикІкІун хиял лъурав ханлъулев ани,
Халкъальул ихтияр дихъе щвелаан.*

*Если бы прославился тот, чья страсть велика,
Весь этот мир принадлежал бы мне.
Если бы становился ханом тот, чьи мечты беспредельны,
Право над всем народом принадлежало бы мне.*



Поэму «Мариам» Махмуд заканчивает четверостишием, в котором непосредственно и прямо отражается особенность его поэзии – верность одной избранной теме и последовательность, неизменность в ее разработке:

*Рагъул хабарални, хирадай гъудул,
Ххамиде терек гІан гІемер бугоан.
Рокъи гьоркъоб гьечІеб къалул хабараль
Кьоларо дие кеп кин бицаниги.*

*Рассказов о войне, дорогая подруга,
Также много, как узоров на ткани.
Рассказы о войне, в которых речь не идет о любви,
Не приносят мне удовольствия, как бы их не рассказывали.*

На войне с его друзьями, с ним лично случались такие происшествия, что сами они просились в поэзию, но Махмуд как лирический поэт полностью и целиком преданный теме любви, не обращался к ним, был к ним равнодушен, его волновала лишь любовная страсть.

Сюжетные линии также пересекаются и в стихотворении «Правдивый рассказ о горении сердца», и в поэме «Мариам». В поисках атрибута, напоминающего о любимой, он обходит земли разных стран и народов, но ничего подобного найти пока не может:

Дун жанив сверула савмагІатазда

*Сурат балагъизе дуда рельараб.
Сси бугелщиназда аскІов щваниги
Щийго ятуларо тарих дур бугей.*

*Я обхожу храмы, чтобы найти
Образ, подобный тебе.
Хотя встречаюсь с достойными людьми,
Нет равной тебе по достоинству.*

Мотив поисков проходит через все произведения, созданные на фронте. Встретить любимую здесь – неосуществимая мечта. Даже в родном ауле она ведет затворническую жизнь. Значит, надо искать что-нибудь, напоминающее о ней, жизнь поэта – настойчивые, но тщетные поиски этого символа:

*Камураб жо гъечІо гьал городазда
Бакъулгун къец ккарай мун гуронани.*

*Все можно найти в этих городах,
Кроме тебя – соперница солнца.*

*Маул хІаяталде хІажальаниги,
ХІал кІола батизе, мун ятулаго.*

*Эликсир бессмертия можно достать здесь,
Но найти тебя невозможно.*

Образ-символ любимой он ищет в храмах, в музеях, в театрах, в кино и даже в магазинах и лавках на рынке. Но поиски тщетны. Где здесь в горах Карпат найдешь любимую, которая осталась в далеком дагестанском ауле? «Рукъой тарай гъудул гъаний ятилищ?» – «Разве найдешь здесь подругу, оставленную в ауле». Да и там она лишь по пятницам выходит из дому, освещая всю округу. Если бы подобный образ был найден, то:

*Гьал насраниязда сурат бихъани,
Сверила динги тун дуй хъулухъалье.
Хъанчил агълуялда гъайбатлъе лъани
Лъела дуда иман икъоналги тун.*

*Если бы христиане увидели твое изображение,
Они, оставив свою веру, поклонялись бы тебе.
Если бы люди креста узрели твою красоту,
Они стали бы молиться тебе, отбросив свои иконы.*

В данном произведении поэт пишет в условном наклонении: если бы ... В поэме «Мариам» центральное место также занимают поиски образа любимой. Он наконец-то найден – это образ непорочной Девы Марии, которая родила Христа. И то, что в стихотворении названо лишь как возможное, в поэме находит свое воплощение и разрешение. Мечта сбылась, нужно желаемое реализовать, и это происходит в поэме «Мариам»:

*Надалда, каранда килщалги кІутІун,
Какал дуе рала христианаз.
Киналго бакІазда чирахъал ракун,
Хъулухъ дуй гъабула хъанчил агълуяль.*

*Прикасаясь пальцами ко лбу и груди,
Поклонение тебе совершают христиане.
Во всех углах лампы зажигая,
Тебе оказывают почет люди креста.*

В поэме буквально повторяются реалии стихотворения: христиане – вместо аварского их названия – «насраниял», люди креста и там, и здесь звучит одинаково – «хъанчил агълу».

Все три произведения Махмуда военного периода имеют почти одинаковый объем: «Правдивый рассказ о горении сердца» – 36 строф, 144 строки; «Передав почтовой бумаге сердечные думы» – 32 строфы, 128 строк; «Мариам» – 32 строфы, 128 строк. Это достаточно большие объемы для лирических произведений. Накал произведений, их совершенство, развернутость сюжета, отшлифованность образов и языка говорят о том, что автор над ними работал долго и кропотливо, благо для этого у него были условия, ранения часто выбивали его из строя и бросали на койки военных лазаретов, госпиталей, где он имел время и возможность думать, творить, шлифовать написанное.

Не только среди произведений, созданных на фронтах войны, но и во всем творчестве Махмуда вершинным является поэма «Мариам». Название поэмы дается по-разному: «Марьям», «Мариам», «Марийам». Махмуд должен был использовать написание имени «Марийам», потому что оно так выведено в Суре Корана, посвященной Деве Марии.

Апогеем создания образа любимой и выражения своей страсти к ней и является поэма Махмуда «Мариам». Три столпа его поэзии: лирический герой, его любимая, их сердечные отношения в поэме сплелись воедино. Поэма является не только этапным, но и вершинным произведением в творчестве Махмуда. В ней нашло идейное, тематическое, композиционное завершение темы, которую Махмуд разрабатывал в течение всего своего творческого пути. Более того, по оценке выдающего поэта Н.С. Тихонова: «Высшим достоянием его творчества была поэма «Мариям». Она была манифестом свободной от

адатов и законов любви и звучала как песня возрождения горской женщины.

Разлука с родными и друзьями, размолвка с любимой, чувство одиночества, светлые воспоминания о прошлом, все усиливающиеся чувства любви сверлили душу поэта. Накопившиеся в душе боль и радость, надежды и тревоги вылились в прекрасное лирическое излияние. Хотя поэт в досаде писал, что любовь принесла ему лишь печаль и тоску, без нее он нашел душевное спокойствие и никогда более не даст этому чувству обуздать себя, сделать ему это не удалось, любовь теребила его душу, не давала покоя, она была сильнее его:

*Кинниги гъаб рокъи къалаб жо буго,
Къурун руссунилан сверун чІолареб.
Ссиялда бараб къвал, къанщарал берал,
Барщун рукІунилан кІочон толаро.*

*Все-таки эта любовь – непостижимая вещь,
От того, что отвернешься, она не отстает.
Крепкие объятия, любованье глаз
От того, что в ссоре, не забываются.*

Поэма «Мариам» композиционно состоит из четырех частей. В первой части создан образ одинокого скитальца, заброшенного волею судьбы в далекие края, образ человека, оторванного от самого дорогого, что было в жизни, страдающего ностальгией – тоской по родине и по любимой. Образ лирического героя раскрыт через образ горного тура, символа дагестанских вершин, заблудившегося в такой родной, привычной ему среде – в горах. Карпаты по своему рельефу напоминают ему дагестанские горы с их вертикальными вершинами, глубокими ущельями, бурными потоками, непроходимыми лесами, коврами альпийских лугов. Отсюда он шлет приветы своей любимой:

*Риидал цІер чІвалел цІорол мугІрузда
ГІазукъ танин бице, тулакаб жайран;
Жаниб чан щолареб чабхил кІкІалабахъ
Чабхъад анин абе, лълъар меседил бис!*

*Мой проворный джейран, ты всем Расскажи,
Что в горах ледяных оставил меня.
Златорогий мой тур, ты всем Расскажи,
Что в оврагах глухих оставил меня.*

Вариант2

*О том, что на кручах, где вечные льды,
В сугробах остался, поведай, быстроногий джейран;
О том, что в ущелье, куда зверь не заходит,
В поход отправился, Расскажи, гордый тур.*

Во второй части содержится ода в честь любимой, клятва верности избраннице сердца. Это не только горестный рассказ о своих страданиях, тоске. Это и попытка найти на чужбине хотя бы что-нибудь, что напомнило бы поэту о своей любимой горянке:

Все обыденное, простое, рядовое, даже банальное Махмуд возвышает до исключительного, до степени высокой поэтичности. Все это служит созданию прекрасного, яркого, неповторимого образа.

В третьей части поэмы дается портрет Девы Марии, который он увидел в костеле. Некоторые исследователи склонны считать, что Махмуд мог увидеть картину великого итальянского художника Микеланджело «Мадонна с младенцем», высоко чтимая у христиан – католиков.

Но в поэме мы видим прекрасное чтение картины, словесное описание картины соответствует живописной.

Созвучны и имена: Муи – Муъиминат – Мариям. Обе похожи обликом, равны достоинством, обе заслуживают того, чтобы все человечество поклонялось им. Это была большая поэтическая находка, до которой могли додуматься лишь настоящие большие поэты, это было откровение, пришедшее на ум, озарение памяти:

*Очертание лба, сияние глаз...
Я погибну сейчас, я увижу тебя!
Также брови черны, улыбка чиста,
Лишь раскроет уста, услышу тебя.*

Когда поэт исчерпывает свои возможности описания портрета, то в оригинале схожесть двух лик он передает через использование русского слова «сама»:

*Беразул свераби, нодояльул сси
«Самай» мун йикІина кІалъан хадуса.*

*Округлость глаз, достоинство лба,
Сама ты окажешься, если заговоришь.*

Мария – это сама ты, не подобие, не схожесть, а зеркальное, точное отображение.

Для поэмы также характерна стилевая особенность, наличествующая во всем творчестве Махмуда. Он удивительно тонко умел сочетать возвышенное и обыденное, реальное и нереальное, фантастику и действительность. И в этом случае люди зажигают перед образом Марии свечи, смиренно осеняют себя крестом, а поэт стоит перед иконой, но не преклоняет колени перед Марией, как все, а моргает ей, намекая на то, что любит ее, земную, а не святую.

В четвертой, заключительной главе поэмы – возврат к земным чувствам и переживаниям, которыми живет поэт. На вокзале маневрирует паровоз. В топке горит огонь, паром наполнены котлы, пар

толкает паровоз вперед, а он вместо этого пятится назад. Он не может покинуть свое место, т.к. рельсы связывают энергию паровоза, его порыв. Так и лирический герой, у него все горит внутри, а он вынужден терпеть это напряжение:

*Уголь в топке горит, пылает накал,
Но придя на вокзал, стоит паровоз!
А со мною судьба сражение ведет:
Шаг назад – шаг вперед, вперед и назад.*

Более точно навряд ли можно охарактеризовать жизнь Махмуда, с которым действительно судьба вела войну, и не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Это целая драматическая история, судьба, доля человека, его бунт против своего реального положения, нежелание сдаваться, смириться, готовность к дальнейшей борьбе.

В своей работе «Старая и новая аварская песня» профессор Л.И. Жирков дает полный адекватный подстрочный перевод поэмы, отмечая, что он очень близок к подлинному тексту. По всей вероятности, он был сделан Абдулатипом Шамхаловым, который был включен в экспедицию и много сделал для записи песен Махмуда.

Первый художественный перевод, сделанный Э. Капиевым, был осуществлен на основе другого подстрочника. Жена Э. Капиева, Н. Капиева пишет: «И все же, когда Эфенди Капиев, – а ему принадлежал первый поэтический перевод «Мариам», – в середине 30-х годов взялся переводить поэму, перед ним лежал не жирковский, а иной подстрочник, удивительный по ясности и, я бы сказала, вдохновенному пониманию подлинника. Его сделал в начале 30-х годов Багадур Малачиханов».

Кроме того, она сообщает, что Багадур, будучи лично знаком с Махмудом, рассказал Э. Капиеву много интересного о нем. Уроженцы аула Ашильта, расположенного в десяти километрах от Кахабросо, где у Махмуда была родня, где он учился в медресе, Багадур и Саладин Малачихановы сделали очень многое, чтобы сохранить поэтическое наследие Махмуда и распространить его в народе, популяризировать его творчество.

Качество подстрочного перевода поэмы определило точность ее перевода на русский язык Э. Капиевым. Он сумел передать ее дух, внутреннее напряжение, оригинальность образов.

Когда в 1959 году готовился к изданию сборник произведений Махмуда, за их перевод на русский язык взялся известный переводчик С. Липкин. Среди них была поэма «Мариам». Липкин сделал многое, чтобы сохранить художественную структуру поэмы, ее внутренние повторы, звукозапись, фоннику.

Таким образом, участие в Первой мировой войне, трехлетнее пребывание на фронте, в передовых частях не только сформировал

характер Махмуда, закалил его волю, расширил его интеллект, кругозор, но и дало необычайно сильный стимул к совершенству его поэтического мастерства.



Мусульманская делегация, ѣздившая для переговоров съ туземной дивизіей, шедшей на Петроградъ командованіемъ ген.-лейт. Крымова. Группа снята въ мечети, въ Петроградѣ.
Члены делегации: 1) Предсѣд. Всеросс. Мусульм. Сов. Ахметъ Цаликовъ, 2) Предсѣд. Корпусн. Комитета полковн. Султанъ-Гарей, 3) Чл. Сов. Раб. и Солд. Деп. Добровицкій, 4) Чл. Всеросс. Мусульм. Сов. З. Шамиль, 5) Тов. Предсѣд. Всеросс. Мусульм. Совета У. Тукумбековъ.
По фот. Н. Нейтшберга.

По воспоминаниам однопольчан Махмуд участвовал в этой делегации.